В объединенный диссертационный совет 99.2.100.02, созданный на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Югорский государственный университет»
(628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16)

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора юридических наук, профессора Виталия Анатольевича Номоконова на диссертацию Шпак Алёны Алексеевны «Криминологические аспекты новых средств массовой информации», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Актуальность темы диссертационного исследования не вызывает сомнений. Современная эпоха характеризуется глубинными социокультурными трансформациями, обусловленными цифровой революцией. Средства массовой информации, выступая ключевым институтом формирования общественного мнения, в начале XXI века претерпели кардинальные изменения. На смену традиционной модели коммуникации пришла гибридная медиасреда, где доминирующую роль играют новые медиа – цифровые платформы, социальные сети, мессенджеры и стриминговые сервисы.

Как справедливо отмечает автор, в условиях информационной войны и эскалации идеологического противоборства цифровые платформы перестали быть нейтральными посредниками. Криминогенный потенциал в значительной степени детерминирован экономическими моделями, создающими прямую финансовую мотивацию для производства

деструктивного и криминального контента. По данным Росстата, в 2024 г. доля населения России в возрасте от 15 лет и старше, использующего интернет, достигла 92,5 %. В таких условиях цифровые платформы превращаются в арену криминальной активности, обеспечивая полный цикл противоправной деятельности – от вербовки до монетизации.

Несмотря на то, что отдельные аспекты влияния СМИ на преступность ранее уже исследовались в криминологической науке, стремительная трансформация самих медиа требует переосмысления их роли в детерминации преступности. Существующие исследования выполнены преимущественно на материале традиционных СМИ и не в полной мере охватывают феномен новых медиа как активной среды, детерминирующей новые формы преступного поведения. В связи с этим представленная диссертационная работа является весьма своевременной и востребованной как в теоретическом, так и в практическом плане.

Соискателем в соответствии с обозначенной темой верно определены объект (общественные отношения, складывающиеся в сфере производства, распространения и потребления массовой информации в условиях цифровой трансформации, и связанные с ними криминогенные процессы), предмет, цель (комплексный анализ криминогенности новых средств массовой информации и разработка теоретически обоснованной и практически ориентированной системы предупреждения) и задачи, а также используемые в работе методы исследования. Поставленные задачи логично вытекают из цели работы и в полной мере решены в тексте диссертации.

Структура диссертации представляется логичной и соответствует цели и задачам исследования. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, списка литературы и пяти приложений.

Научная новизна диссертации заключается в обосновании повышенной криминогенности новых медиа, которая детерминирована технологическими свойствами и основанными на них экономическими моделями прямой

монетизации криминальных девиаций. Свое непосредственное выражение научная новизна находит в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Сформулировано авторское определение новых средств массовой информации (медиа) для целей криминологических исследований, под которыми понимаются цифровые платформы и сервисы, функционирующие в интерактивном режиме и обеспечивающие двустороннюю коммуникацию.

2. Обосновано выделение специальной области криминологического знания – криминологии средств массовой информации, а также предложено дополнение традиционной классификации преступлений в сфере массовой информации гибридной группой, где медиа выступают одновременно средой, инструментом и объектом криминогенного воздействия.

3. Предложено определение криминогенного воздействия новых медиа, выделены его ключевые особенности (массовость, латентность, алгоритмичность) и классификация видов (ценностно-нормативный, поведенческо-имитационный, информационно-манипулятивный).

4. Выявлена эскалационная система криминогенных механизмов новых медиа, включающая пропаганду, дезинформацию и манипуляцию, а также обоснована роль романтизации криминала как комплексного механизма, интегрирующие данные элементы.

5. Проанализирован криминогенный потенциал платформы Telegram, выразившийся в формировании гибридной криминальной среды платформенного типа.

6. Установлено, что треш-стриминг и деструктивный блогинг обеспечивают экономическую стимуляцию воспроизводства общественно опасных практик, что обусловлено моделью прямой монетизации девиаций.

7. Разработана комплексная стратегия предупреждения криминогенного воздействия новых медиа, включающая меры по формированию цифрового иммунитета аудитории, саморегулированию, а также подрыву экономической рентабельности криминогенных бизнес-моделей.

8. Сделаны предложения по совершенствованию уголовного законодательства (введение ст. 213^1, 213^2, 207^4 УК РФ).

К достоинствам диссертационного исследования следует отнести: глубокий теоретико-методологический анализ понятийно-категориального аппарата, позволивший автору четко разграничить традиционные СМИ и новые медиа, а также сформулировать авторское определение криминогенного воздействия новых медиа (с. 16-18, с. 47-48); комплексный криминологический анализ платформы Telegram (с. 88-97); убедительный анализ треш-стриминга и деструктивного блогинга как устойчивых криминогенных бизнес-моделей (с. 102-114); качественный и количественный контент-анализ региональных интернет-СМИ г. Омска, а также публикаций в крупнейших Российских Telegram-каналах, что позволило выявить конкретные модели освещения криминальной тематики (с. 57-61, с. 98-101); разработка системы предупреждения криминогенного воздействия новых медиа, включающей меры по формированию цифрового иммунитета, развитию саморегулирования и подрыву экономической рентабельности деструктивного контента (с. 122-142).

Репрезентативность результатов диссертационного исследования позволила обеспечить эмпирическая база, представленная: статистическими данными Федеральной службы государственной статистики за 2024 г.; статистическими данными МВД России о состоянии преступности в РФ и Омской области за 2023–2026 гг.; материалами 96 судебных актов по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием новых медиа; результатами социологического опроса (анкетирования) 2024 г. (n = 217); результатами количественного и качественного контент-анализа региональных Интернет-СМИ г. Омска, публикаций в крупнейших русскоязычных Telegram-каналах, а также освещения резонансного преступления в 7 крупных Telegram-каналах (78 публикаций).

Методологическая основа диссертационного исследования представляется достаточно глубокой и обоснованной. Она базируется на

диалектическом методе познания, который позволил автору осуществить анализ криминогенности новых медиа во взаимосвязи с современными тенденциями развития информационного общества. Применение закона перехода количественных изменений в качественные дало возможность соискателю продемонстрировать, как накопление негативных эффектов от отдельных криминогенных публикаций и интерактивных практик (треш-стримов, дезинформации) приводит к качественному изменению криминологической ситуации и формированию устойчивых криминальных экосистем платформенного типа.

В работе успешно использован комплекс общенаучных и частнонаучных методов. Так, методы анализа, синтеза, индукции и дедукции применялись при сборе, обобщении и интерпретации результатов научных исследований, уточнении понятийно-категориального аппарата (в частности, при формулировании определений «криминогенное воздействие новых медиа» и «гибридная криминальная экосистема»), а также при формулировке итоговых выводов и предложений по совершенствованию законодательства.

Особого внимания заслуживает применение социологических методов, реализованных в виде анкетирования и контент-анализа. Анкетирование (n = 217) применено при изучении структуры медиапотребления, уровня доверия к новым медиа и оценки респондентами их криминогенного влияния. Контент-анализ использован для выявления количественных и качественных характеристик криминального контента в региональных интернет-СМИ и Telegram-каналах, а также для идентификации криминогенных элементов в освещении резонансных преступлений (с. 57–61, с. 98–101). Данные, полученные в процессе исследования, обрабатывались и анализировались в соответствии с требованиями научной обоснованности, репрезентативности и достоверности.

Положения и выводы, сформулированные в диссертации, представляются обоснованными, значимыми для криминологической науки и правоприменительной практики.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии частной криминологической теории – криминологии средств массовой информации. Полученные результаты вносят существенный вклад в развитие криминологической науки, дополняя ее новым знанием о социально-правовой природе и общественной опасности криминогенного воздействия цифровых платформ.

Сформулированные в диссертации определения «новые медиа» и «криминогенное воздействие новых медиа», а также предложенная классификация его видов уточняют содержание процессов детерминации преступности в условиях цифровой трансформации.

Особый интерес вызывает предложенная автором концепция криминальных сред платформенного типа и выделение эскалационной системы криминогенных механизмов: это создает теоретическую основу для дальнейших научных изысканий в области киберкриминологии, разработки концепций противодействия оправданию насилия и экономической стимуляции преступных деяний в сети Интернет.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в правотворческой деятельности при совершенствовании уголовного законодательства (в части обоснования введения новых составов преступлений), а также в деятельности правоохранительных и судебных органов при квалификации преступлений, совершаемых с использованием новых медиа, и организации профилактической работы.

Практический интерес для правоохранительной деятельности представляют также данные о механизмах криминогенного воздействия цифровых платформ (на примере Telegram), классификация видов деструктивного контента, а также выявленные в ходе контент-анализа модели освещения криминальной тематики в региональных интернет-СМИ и крупнейших Telegram-каналах, выступающие основой для дифференциации мер предупреждения и определения направлений превентивной деятельности.

Основные положения исследования опубликованы во впечатляющем числе - 17 научных работах, из них 8 статей – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК.

Результаты диссертационного исследования, как указывает автор, внедрены в практику работы военной прокуратуры Омского гарнизона, Омского гарнизонного военного суда, в образовательный процесс.

Вместе с тем, как и во всяком творческом труде, некоторые положения в нём представляются дискуссионными, возможно, требуют уточнения в ходе защиты, и вызвали следующие замечания:

1. *О Telegram* (с. 82–97). Автор в ходе анализа криминогенного потенциала новых медиа приходит к выводу, что Telegram, будучи одним из самых востребованных современных медиа, действительно трансформировался в гибридную криминальную среду платформенного типа. Это утверждение имеет под собой основания, но здесь нужны важные оговорки. Сам по себе мессенджер - только инструмент. Криминогенный потенциал реализуется через конкретные практики пользователей и пробелы в модерации. Наряду с криминальным контентом в Telegram ведь, как известно, имеется огромное количество легального и полезного: новости, образовательные проекты, профессиональные сообщества, бизнес-инструменты. Следует иметь в виду, что в настоящее время (на октябрь 2026 года) Telegram официально не заблокирован в России и не включён в реестр запрещённых сервисов. Правовой статус самой платформы остаётся неизменным: она продолжает работать в легальном поле.
2. *Про треш-стриминг и деструктивный блогинг* (с. 101–121). Анализ экономической стимуляции и эскалационного характера в работе сделан точно. Для криминологии трэш-стримы интересны как пример платформенной среды, где публичность и монетизация усиливают общественную опасность таких деяний: зрители подталкивают к эскалации, а стримеры ради дохода идут на всё более рискованные и

противоправные поступки. Можно, наверное, также добавить про их ключевую особенность — интерактивность: зрители не просто потребляют контент, а через донаты и задания становятся соучастниками, стимулируя эскалацию жестокости.

3. *О причинах криминализации СМИ.* В диссертации анализируется роль общесоциальных и специально-криминологических мер предупреждения криминализации новых СМИ, и указывается, что их «стратегическая цель – воздействие на причины, которые порождают спрос на деструктивный контент и обеспечивают его предложение» (с. 122). Однако уточним, что воздействие на причины преступлений – не цель их предупреждения, а само содержание. Цель предупреждения преступлений — это то, ради чего вся эта деятельность затевается (например, снизить уровень преступности, нейтрализовать криминогенные процессы в обществе и т.п.). То есть цель отвечает на вопрос «зачем?». Содержание (или средства, методы) — это то, как мы добиваемся этой цели. И вот здесь как раз и кроется воздействие на причины и условия, которые порождают или способствуют преступлениям. К сожалению, специальный анализ названных причин в работе отдельно не выделен, он «растворён» в других её частях.
4. *Предложения по криминализации треш-стриминга и введению уголовной ответственности за героизацию или распространение ложной информации с дезорганизующим эффектом* актуальны (с. 142–162). Автором предлагается введение трех новых составов преступлений: ст. 213^1 УК РФ, криминализирующей треш-стриминг; ст. 213^2 УК РФ, устанавливающей ответственность за публичное распространение материалов, содержащих оправдание или героизацию лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление; ст. 207^4 УК РФ, предусматривающей ответственность за систематическое распространение заведомо ложной деструктивной информации. Однако здесь есть серьёзный дискуссионный момент: при введении новых

составов важно очень чётко обосновать как критерии криминализации, так и признаки указанных составов (например, что именно считать «героизацией», где граница между информированием и пропагандой), чтобы не допустить избыточного правоприменения. Также стоит учитывать, что часть таких деяний уже охватывается существующими нормами (например, пропаганда экстремизма), и задача — не дублировать, а точечно закрывать пробелы. Здесь есть риск нарушения законодательной техники, когда излишне создаются специальные составы преступления.

В целом, сделанные замечания сами по себе носят дискуссионный характер и ни в коей мере не влияют на общий положительный вывод о проведенном исследовании. Автор продемонстрировал глубокое знание материала, умение анализировать сложные социально-правовые феномены и аргументированно отстаивать свою научную позицию.

Автореферат и диссертация позволяют сделать вывод о полноте проведенного исследования и заключить, что представленная для отзыва диссертация выполнена самостоятельно, содержит новые научные результаты и положения, и свидетельствуют о личном вкладе автора в науку криминологии.

Основные положения диссертации достаточно полно отражены в публикациях автора и автореферате.

Таким образом, диссертация Шпак Алёны Алексеевны «Криминологические аспекты новых средств массовой информации», содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку криминологии.

Вывод: диссертация Шпак Алёны Алексеевны «Криминологические аспекты новых средств массовой информации» может быть оценена как научно-квалификационная работа, в которой на основе проведенного соискателем исследования содержится решение задачи, имеющей значение

для развития науки криминологии и совершенствования правоприменительной практики. Диссертация полностью соответствует требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изменениями и дополнениями), а ее автор - Шпак Алёна Алексеевна заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. – Уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент:
доктор юридических наук, профессор
(научная специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право)
профессор кафедры уголовного права и криминологии
федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Дальневосточный федеральный университет»

«28» октября 2026 года

В.А. Номоконов

Адрес места работы:
690922, Приморский край, г. Владивосток, остров Русский, посёлок Аякс, дом 10.
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»
Рабочий телефон: 8 (423) 265-24-29, +7 (423) 243-34-72
Рабочий адрес электронной почты: rectorat@dvfu.ru

подпись В.А. Номоконова
удостоверяю
ДИРЕКТОР ДЕПАРТАМЕНТА
КАДРОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ ДВФУ
НАУМОВА И.В.
28.10.2026